

ЛОКАРМЕН

РАСКРЫЗЪ

Лазарь Кармен

Жертва котла (Дети-глухари #2)

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Лазарь Кармен

Жертва котла

**(Из жизни детей Одесского
порта)**

ПОСВЯЩАЕТСЯ В. ГАРШИНУ

— Старшина!
— Что, Стрижик?

— А я спать лягу.

— Надо раньше котел окончить. Экзамен скоро.

— А пусть им издохнуть с экзаменом. Я и так наработался. Две топки, все связи, заогненный ящик почистил. Десять часов работал. Я на полчаса лягу. Жалко тебе, что ли?

— Жалко не жалко, а вот хозяин узнает, и нагорит. Ну, да бог с тобой, ляг. Мы за тебя уж поработаем.

В котле о трех топках было невыносимо жарко, душно.

Свечи от жары таяли, поминутно гасли и вспыхивали, вырисовывая по углам и меж горячих труб жарящихся, как на вертелах, детишек.

Тоненькие, полуодетые и сонные, они апатично выстукивали молоточками трубы, и казалось, вот-вот молоточки выпадут из их рук, выпадут свечи, и они сомкнут глаза.

Сверху, с палубы, слабыми отголосками доносились стук и визг подъемных паровых кранов, ржание лошадей и мычание коров, погружаемых в трюмы, голоса капитана, матросов и заунывное рабочих: «Вира помалу, майна, банда».

Стрижик – мальчик лет двенадцати, с острой и лукавой мордочкой, карими глазками и курчавой головкой, получив от старшины разрешение, слез с заогненного ящика, потушил растаявшую и слившуюся в один нагар свечу, раза два зевнул, согнулся и сунулся комком под третью топку.

Несколько минут Стрижик не мог заснуть. Над ним, под ударами шести молоточков, стояли связи и трубы, стонал заогненный ящик, и от этих стонов котел, это «пароходное сердце», казалось, не выдержит и лопнет.

Но как ни стонал терзаемый молоточками котел, слабость и утомление взяли свое.

Разбитый десятью часами работы, Стрижик сжался в еще меньший комок, подпер ручонкой свою курчавую головку, и скоро слышалось его ровное и спокойное дыхание.

Стрижик заснул. И снилось ему:

Он, Мишка Рябой, Ванька Колдун, Семка Клоп и Федька Дикарь сидят под эстакадой и играют в карты. В «три листика с подходцем».

Мишка Рябой проигрался. Два рубля проиграл и злой такой.

– Что ставишь? – спрашивает Рябого Колдун.

– Пиджак.

– Идет! Пас! Давай пиджак!

– На, давись! Боком он у тебя вылезет. Ставлю жилетку!

– Пас! Я выиграл! – радуется опять Колдун. – Давай жилетку! Что еще ставишь?

– Картуз!

– Пас! Картуз давай!

Стрижик во сне улыбнулся. Откуда ни возьмись – стражник.

– Ах вы, картежники! Вот я вас!

Все разбежались кто куда. Колдун растерял пиджак и жилетку. А стражник:

– Держи!

Снилась Стрижику дальше – зима.

Он и Семка Клоп лежат в бочке на набережной. Оба скрипят зубами, как волчята, обнялись и зарылись в солому. А ветер – у, ка-

кой злой! Так и шарит, валит клепки, тюки, черепицу, рвет электрические провода, эстакаду, залезает к ним в бочку и наносит снегу.

Снился ему и моряк.

Моряк этот держит его крепко-крепко и толкает в топку. А в топке – огонь страшнейший.

Как пташка, бьется у него в руках Стрижик и плачет.

Вдруг является господин, добрый такой, ласковый, и кричит моряку:

– Не смей, не пуцу, отдай его!

Моряк разжал руки и выпустил Стрижика.

Снилось Стрижику после, что лежит он у обжорки пьяный-пьянехонький. Дикари напоили его.

Лежит он, а из головки его бежит кровь. Кадык (вор) разбил ему камнем голову. Кровь бежит, и он тяжело дышит. Глазки у него смыкаются.

Снилось ему еще, что сидит он в школе. И не один он. Тут и Мишка Рябой, и Ванька Колдун, и Семка Клоп, и Федька Дикарь. Все «свои», знакомые – шарики. Мордочки у них чистенькие, беленькие, как фарфоровые пи-

санки, глазки сияют, волосенки подстрижены и намаслены, и на всех – новая одежонка.

Все сидят и слушают. В классе тихо, и учитель с красным длинным носом читает. Читает все такое чудное: про «Волка и лисицу», «Красную Шапочку», «Козлика и его деточек».

Спит Стрижик, улыбается во сне, и снится ему, снится.

А товарищи заканчивают работу. Чистят последнюю трубку. И теперь все слабее и слабее звучат молоточки, слабее стонут связи и трубы.

Скоро оборвется стон, и «сердце», как бы истекшее кровью, смолкнет и перестанет биться.

Вот просунулась в горловину котла голова кочегара.

– Кончили? – спросил он.

– Кончили!

Кочегар вынул голову, и из котла вынырнул мальчуган с открытой грудью и лицом, выпачканным накипью.

– Все, старшина, в порядке?

– Все, Еремеич.

– Заогненный ящик почистили?

- Почистили.
- И связи тоже?
- Тоже.
- Экзаменовывать, значит, не надо?
- Не надо.
- Смотри-и! Ну, ладно. Иду зарядить топки и пустить воду.

Кочегар исчез. Старшина же, утирая рукавом лицо и втягивая с наслаждением свежий морской воздух, вливающийся свободной струей сверху через железные решетки и входы в машинную, сел на корточки у края горловины.

В горловине блеснула свеча, и вылез другой шарик.

- Какой час? – спросил он старшину.
- Два будет.
- А чтоб им света не видать! – выругался тот энергично и зло сплюнул.
- Кому? – спросил старшина.
- Известно, не мне. Ну, и общество же! До двух часов людей мучает.
- Каких людей?
- А таких! Что, мы не люди?
- Выходит, не люди.

– Ты вот, старшина, – горячился сморчок, шарик, – рассуди сам. Отчего нас так поздно держат?

– А то как же? Пароход, умник ты этакий, ведь срочный. Сегодня итить ему надо.

– Завтра пошел бы, не опоздал.

– Говори! Станут ждать до завтра. Рейс из-за тебя откладывает, что ли? Время, брат, деньги... Ну, вы, идолы! Чего не вылазите?! – рассердился старшина.

– Сейчас!

Несколько свечей сразу вспыхнуло в горловине, и один за другим вынырнуло шесть черных, как дьяволята, шариков.

– По домам! – скомандовал старшина, и все, обгоняя друг друга и гася на ходу свечи, бросились кверху.

Наверху, на палубе, несмотря на позднюю ночь, продолжалась прежняя лихорадочная нагрузка.

Гремели паровые краны, ржали зарываемые в трюмы лошади, мычали коровы и сливались в гул десятки голосов рабочих и матросов.

Шарики юркнули вниз по сходне на набе-

режную, разбежались в разные стороны и скрылись во мраке.

А Стрижик продолжал спать.

Товарищи забыли про Стрижика.

И спит Стрижик под топкой. И снятся ему блаженные сны, и он во сне не перестает улыбаться.

Ужасный, последний сон! Стрижик на минуту открыл глаза. В котле никого нет, тихо.

Вверху над ним бледным матовым пятном, дробящимся на дымогарных трубах, светится круглая и открытая горловина.

– Фу, дьявол! А чтоб тебе ни дна ни покрывки! – ворчит и ругается обычной руганью кочегар Еремеич. Голос его за котлом чуть слышен.

Еремеич заряжает кардифом топки.

– Чтоб вас рразорвало!

Чудак Еремеич! И вечно он недоволен своими топками. Он находит их старыми, никуда не годными, вечно прокликает их и желает им от души разорваться, хотя вряд ли это ему выгодно, ибо разорвись топки – и первому влетит ему, Еремеичу.

Стрижик, уловив эту ругань, улыбнулся,

хотел было сделать движение, встать и вылезть из котла, но окаменелое от долгой и непосильной работы тельце его и не тронулось.

Приподнятая было головка его упала опять на подпиравшую ее руку, из детской груди вылетел вздох, и Стрижик уснул опять.

А Еремеич тем временем, зарядив все топки, полес закупоривать котел.

Он заделал как следует горловину.

Сперва обмазал края их суриком, потом залепил их несгораемым картоном – асбестом и привинтил гаечным ключом крышки. Он вспотел от этой работы. Тяжела эта работа и ответственна.

Зато теперь он спокоен. В котле – ни одной дырочки, ни одной скважины и поры.

Стрижик проснулся. Дыхание его сделалось частым и тяжелым, точно на него навалилась глыба.

Печальное пробуждение! Матовое пятно сверху исчезло, исчезли заогненный ящик, трубы. Все исчезло, и глаза Стрижика потонули во мраке.

Где-то сбоку визжала старательно завин-

чиваемая кочегаром гайка.

Стрижик рванулся, но отяжелевшая головка упала назад и больно ударилась о топку.

– Еремеич! – крикнул он сдавленно.

(Еремеич потом рассказывал, что кто-то, кажется, его звал, но кто, он и не догадывался. И как тут догадаться.)

Но Еремеич не слышал. Он возился с забортным краном.

Кран был открыт, и на Стрижика хлынул дождь. В котле зажурчала вода, и все стихло...

.....

Через пять-шесть часов сходя была отдана, поднят якорь, и пароход, гудя и выбрасывая клубы дыма, выходил за брекватер.

А Еремеич старался. Сняв куртку и сорочку и похожий в таком виде на австралийца, он неутомимо отправлял по нескольку лопат угля и кусков промасленных тряпок то в одну, то в другую топку и разводил в них адское пламя.

А если бы Еремеич знал!...

Но он узнал обо всем после, в Константинополе.

Была получена от пароходного общества

телеграмма:

«Загляните в котел. Нам заявили об исчезновении одного чистильщика котлов – мальчика. Кажется, катастрофа».

Пар был из котла выгнан, и Еремеич заглянул...

Но лучше бы он туда не заглядывал! Еремеич вскрикнул, выронил свечу и упал как подкошенный.

Три месяца пролежал потом Еремеич.

Он находился между жизнью и смертью и все время видел перед собой детский остов, протягивавший ему с тупым отчаянием на костистом лице руки.